

ПУТЬ КАДО В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ЯПОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сергей Михайлович Марков

кандидат философских наук, доцент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (Хабаровск, Россия)

Ser_Mark@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>

Резюме. В японской дипломатии путь кадо представляет собой культурную программу японской цивилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на международной арене. Эта программа финансируется правительством Японии и частными компаниями. На японском языке «путь кадо» выражает национальную идеологию и даже особое влияние государства в мире. Для сравнения: «чайный путь» (садо), «путь кабуки» (Kabuki), «путь меча» (кэндо) и др. Культурная дипломатия формируется как результат объединения китайской религии с местными традициями (синто и дзэн-буддизмом).

Семиотика цвета играет ключевую роль в японской национальной идентификации, и его символика широко используется в культурной дипломатии и государственной идеологии. Расположение букета цветов (икебана) в токономе (особая ниша в японских домах) рассматривается как метафизическое окно, означающее связь с предками и традициями, аналогичное пониманию у православных. Цвет (кумадори) с древних времен занимает особое место в национальной культуре.

Для японцев путь кадо — это путь мира и благосостояния, реализуемый через философию «мягкой силы», на японском это называется «bunka kōgyū» (культурный обмен). В этой философии хризантема служит символом солнца и богини Аматаэрасу — прародительницы всех японских императоров и, следовательно, элементом государственной идеологии. Её материальное воплощение — Орден хризантемы — не только знак государственной власти, но и демонстрация японского стиля общественного договора между властью и народом.

Ключевые слова: Япония, дипломатия, идентичность, кабуки, ханами, кумадори, кадо, хризантема

MƏDƏNİ DİPLOMATİYADA VƏ YAPON MİLLİ İDENTİKLİYİNDƏ KADO YOLU

Sergey Mixayloviç Markov

Xülasə. Yapon diplomatiyasında Kado yolu – bu, Asiya-Sakit okean bölgəsində və beynəlxalq səviyyədə Yapon sivilizasiyasının dünya siyasətindəki mədəni proqramıdır. Bu proqram Yaponiya hökuməti ilə özəl şirkətlər tərəfindən maliyyələşdirilir. Kado yolu yapon dilində milli ideologiyayı, hətta dünyada xüsusi dövlət təsirini ifadə edir. Müqayisə üçün qeyd etmək olar: “çay yolu” (sado), kabuki teatrının “səhnə yolu”, “qılınc yolu” (kendo) və sairə. Mədəni diplomatiya Çin dini ilə yerli ənənələrin (şinto və dzen-buddizm) kəsişməsi nəticəsində formalaşmışdır.

Rənglərin semiotikası yaponların milli identifikasiyasında əsas rol oynayır və onun simvolikası mədəni diplomatiya və dövlət ideologiyasında geniş şəkildə istifadə olunur. Tokonomada (yapon evlərinin xüsusi guşələrindən biri) çiçək bukəti (ikebana) yerləşdirmək, pravoslavlar üçün əcdadlar və ənənələrlə bağlılıq anlamı daşıyan metafizik pəncərə kimidir. Rəng (kumadori) qədim dövrlərdən bəri milli mədəniyyətdə xüsusi rol oynayır.

Yaponlar üçün kado yolu – “yumşaq güc” fəlsəfəsinə söykənən sülh və rifah yoludur. Yaponca bu, “bunka koryu” adlanır. Bu fəlsəfədə xrizantema günəşin və Amaterasu ilahəsinin – bütün yapon imperatorlarının (hakimiyyətin) əcdadının simvolu kimi, dövlətin ideoloji elementi rolunu oynayır. Onun maddi təzahürü Xrizantema ordenidir – dövlət hakimiyyətinin nişanı olmaqla yanaşı, hakimiyyətlə xalq arasında yapon üslubunda ictimai müqaviləni nümayiş etdirir.

Açar sözlər: Yaponiya, diplomatiya, identiklik, kabuki, xanamiçi, kumadori, kado, xrizantema

THE KADO WAY IN CULTURAL DIPLOMACY AND JAPANESE NATIONAL IDENTITY

Markov Sergey Mikhailovich

Abstract. The Kado Way in Japanese diplomacy is a cultural program of Japanese civilization in world politics both in the Asia-Pacific region and on the international arena, financed by the Japanese government and private companies. The way of Kado in Japanese is a national ideology, even a special state influence in the world. For comparison, there is the "way of tea" (sado), the "way of theater" kabuki, the "way of the sword" (kendo) and others. Cultural diplomacy developed through the intersection of Chinese religion and local traditions (Shinto and Zen Buddhism). The semiotics of flowers plays a key role in the national identity of the Japanese, and its symbolism is used in every possible way in cultural diplomacy and state ideology. A bouquet of flowers (ikebana) in tokonoma is like a window into the transcendental world of ancestors and traditions for the Orthodox. Цвет (кумадори) также играет особую роль в национальной культуре с древнейших времен. Для японцев путь кадо – это мир и процветание через философию «мягкой силы», или по-японски «бунка корю», в котором хризантема играет роль государственной идеологии как символ солнца и богини Аматэрасу, прародительницы всех японских императоров (власти). Its material expression is the Order of the Chrysanthemum as a sign of state power, simultaneously demonstrating the Japanese social contract between the government and the people.

Keywords: Japan, diplomacy, identity, kabuki, hanamichi, kumadori, kado, chrysanthemum

В международной лаборатории США (штат Юта) на Telescope Array 27 мая 2021 года ученые обнаружили космическую частицу класса UHECR внегалактического происхождения и назвали её Аматэрасу в честь японской богини Солнца, а в земной жизни обыкновенной хризантемы. Её описание в статье, опубликованной 23 ноября 2023 года в американском научном журнале Science, вызвало много споров и разногласий. Суть дела в том, что высокоэнергетические космические частицы не встречаются на Земле, да и в Космосе, незаметны для измерения современными телескопами, а их источник неизвестен и определить его невозможно. Как считает доктор физико-математических наук, профессор М.И. Панасюк, они представляют собой эхо Большого взрыва во Вселенной [16, с. 107 – 108].

Первая подобная частица была обнаружена в 1991 году на детекторе «Глаз мухи» (Fly's Eye Cosmic Ray Detector). Её энергия составила 320 эксаэлектронвольт, за что она получила прозвище «Oh-My-God» (О, мой Бог!). Более того, как таковые они невидимые материально, считает российский физик Михаил Юрьевич Кузнецов [20]. Ученые их замечают лишь по остаточным следам. Так или иначе, но японская богиня появилась во Вселенной благодаря остроумной смекалке астрофизиков. Таким способом земной путь (кадо) хризантемы заканчивается в неведомых космических просторах или наоборот начинается в глубоких недрах Вселенной.

«Путь» или «До» (яп. 道), в европейской трактовке «Дао», заимствован из даосской духовной практики, но переосмысленный на синтоистский манер. В результате переосмысления рождаются исключительно японские «пути», среди которых мы выделяем «путь цветов» (кадо). Для сравнения есть «путь чая» (садо), «путь меча» (кэндо) и, как считает японовед М.П. Герасимова: «Все они имеют свою внутреннюю логику или каноны, впрочем,

одухотворенную религиозными традициями» [4, с. 63]. Хотелось бы отметить, что в пересечении китайской религии и местных традиций складывался особый язык «путей» и миропонимания: «...Изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом (морально-религиозным – прим. С.М). Изготавливаемый предмет всегда был единственным в своем роде, неповторимым, как сама Природа, и воспринимался не только утилитарно, но и как образ, значимый сам по себе» [4, с. 64]. Иными словами, для японцев в «искусстве» главное не «Я», а суть самой Природы (*синра бансё*). Вполне возможно этот *синра бансё* в европейской традиции соответствует фихтеанской философии «Я» и «не-Я», точно также как *укиё-э* новым канонам в искусстве и лишь в конце XIX века японские духовные «пути» заметили и оценили европейцы. В частности, японские гравюры, известные как *укиё-э* стали использоваться в импрессионизме как картины «изменчивого мира»

Семиотика цветов по-прежнему выполняют ключевую роль в этнической идентификации японцев, а её символика в стране Восходящего Солнца всячески используются в культурной дипломатии на международной арене. Семиотика цветов, или путь кадо по-японски, позволяет в настоящее время Японии выразить свою национальную особенность, даже особое государственное влияние в мире, прежде всего в Тихоокеанском регионе (не секрет, что после второй Мировой войны азиатские народы сначала воспринимали Японию враждебно) и отголоски кадо звучат в далеком Берлине или Лондоне. Как цветок изменил мировоззрение самих японцев, а затем поменял негативное восприятие японского государства на миролюбие или примирение?

В Японии есть особая «книга» ханакотоба (яп. 花言葉) – словарь цветов и растений, своеобразная энциклопедия цветов и их смыслов (два первых иероглифа обозначают «словарь цветов»). На английском языке для других стран её именуют «Ultimate Guide to Hanakotoba: The Japanese Language of Flowers» или путеводитель в японский язык цветов. В ней все цветы имеют свою символическую значимость. Букеты цветов, икебаны, хризантема, цвет кимоно и поздравительные открытки выбирают с учётом этих рекомендаций. Если составить краткий словарь восприятия японских цветов, то получится такая цветовая картина: белый цвет (сирой) – духовная и физическая чистота, а в императорской символике означает государственную власть, красный (акай) – ассоциируется со священным символом солнца Аматэрасу, а в синтоизме с миром и процветанием семьи.

Цвет также играет особую роль в национальной культуре с древнейших времен синтоизма и дзэн-буддизма. Если обратиться к семиотике, то в современном японском языке большинство названий цветов в японском языке образуются при помощи слова *иро* («цвет»). Лишь четыре цвета без приставки «иро»: акай, аой (одновременно синий, голубой и зелёный), курой, сирой. Чёрный (куррой) – мужской цвет и символ самурайской чести, красный (акай) – власть и процветание, синий (ао) – символ небытия и простолюдинов, золотой (ки) – символ солнца, божественной власти и милосердия, фиолетовый (мурасаки) – цвет воинов и благородства. Хотелось бы особо отметить, в связи с особенностями исторического развития, у японцев сложилось своё понимание цветов, отличное от восприятия цветов другими народами. Так, если для нас с вами зелёный свет светофора означает свободный путь, то японцы этот же цвет воспринимают как синий.

Что касается цветка, то в современном японском доме, а в чайном домике обязательно, имеется своеобразный алтарь (токонома), в нише которого располагается какой-либо свиток с каллиграфически написанным буддистским афоризмом и икебана (букет цветов). Токонома для японцев это все равно, что для православных окно в запредельный мир предков и традиций.

Если говорить об отношении японцев к цветам и их роли в национальном самосознании, то следует кратко остановиться на театре кабуки хотя бы потому, что он в начале революции Мэйдзи (1868 – 1912) принял на себя авангардистскую роль перемен в духовной культуре страны, оказавшую влияние на японское общество. Кабуки, пожалуй, можно сравнить с исключительно японской философией садово-паркового мировоззрения, где цвет и цветы выполняют фундирующую функцию национального самосознания в миниатюре. В театре

кабуки как бы в сценической миниатюре отражаются история (традиция) и современные новаторские идеи примерно так, как в картинах изменчивого мира укиё-э Хокусая.

Кабуки как театральный жанр появляется в начале эпохи Эдо (1603 – 1868). Его основоположницей считается танцовщица синтоистского храма Идзумо Тайся Окуни, но впоследствии он превращается в театр исключительно с «мужскими актёрами». Монахи этого храма впервые придумали способ зарабатывания денег танцами и сценами на городских улицах. В период Мэйдзи кабуки превращается в национальный японский театр [1]. В конце XIX века появились новые сцены кабуки: Синтоми-дза и Кабуки-дза. Последний стал именоваться национальным театром компании Мацутакэ, в котором стали сочетаться как древние, так и новые европейские театральные традиции.

Слово «кабуки» включает три иероглифа 歌舞伎, или по частям: 歌 *ка* – песня, 舞 *бу* – танец, 伎 *ки* – искусство, мастерство (букв. «песня, танец, мастерство», «искусное пение и танцы»). Если в иероглифе 伎 немного изменить левую часть, получится «театр поющих и танцующих гейш». Вот такая интересная метаморфоза, впрочем, имеющая вполне реальный социальный контекст. Но нас интересует в кабуки – цвет и грим, или кумадори.

В японском кабуки красный цвет символизирует справедливость, доблесть, храбрость (например, герой Сибараку), синий – зло и злодеяния, в зависимости от узоров (Кицунэ, Генкуро), коричневый – сверхъестественный демонический дух (демон Цучигумо или земляной паук). Злодеи часто изображаются с черной бородой и синими бровями-орнаментами. Существуют сложные техники нанесения макияжа в кабуки, именуемой *кумадори*, знание которой позволяет проникнуть в тайны древней японской театральной пьесы, особенно понять суть танцев и песен. В кумадори используются всего четыре цвета (красный, черный, коричневый, синий).

Сцена театра кабуки представляет собой образ цветка, расцветающего во всех своих гаммах во время спектакля. Более точное её название – *ханамити*, или «путь театра». В XXI веке кабуки стал вновь популярным зрелищем, а кумадори с удовольствием используют подростки в молодежной субкультуре для обозначения своей идентичности. Так, кумадори использует разноцветная токийская молодёжь, демонстрируя свое искусство обычно в квартале Харадзюку в районе Сибуя. Более того, появившись в эпоху Эдо, кабуки сегодня превратился в особенность государственной политики как внутри страны, так и за её границами. В 2008 году кабуки был официально признан ЮНЕСКО нематериальным культурным достоянием человечества. Но начинался этот путь ханамити/кумадори к всемирному признанию в гостинице «Золотой рог» Владивостока. Такой путь проделал кабуки в культурной дипломатии на международной арене.

«Всё искусство Кабуки, – пишет в специальной брошюре перед гастролями в СССР востоковед Н.И. Конрад, – зиждется на одном основании – на актерском мастерстве. Всё остальное – пьеса, вещественное оформление, постановка – на втором плане» [7, с. 19]. Актерское мастерство перекликается со цветом и цветками, задействованными в театральной сцене. По-японски оно называется кумадори или техника нанесения разных цветов на лице актёров театра. Ханамити (в общем смысле) – путь кабуки в национальной идентичности японцев как внутри страны, так и в мире. Дальнейший опыт показал, что во второй половине XX века кабуки сделалась своеобразной национальной культурной идеологией примерно так, как у китайцев институт Конфуция.

Кумадори – национальный стиль, определяющий цветовую палитру культурной дипломатии послевоенной истории и в век цифровой цивилизации. После Второй мировой войны японцам требовалось каким-то образом показать свой отказ от милитаристского (имперского) прошлого. С этой целью, примерно с 60-х годов прошлого столетия японская дипломатия начала демонстрировать за рубежом своё миролюбивое искусство, ориентируясь на пересечение древних традиций и европейских ценностей, как бы показывая мировому сообществу новый тип своей этнической идентичности через кабуки, икебану, чайную церемонию, сад камней, любование цветением сакуры и бамбука, национальный символ – хризантему, культовые гравюры Фудзи художника Хокусая, и, разумеется, хокку (хайку).

Везде в этих культурах мы замечаем ханамити («путь театра») и кадо («путь цветка»).

В 60-е годы начинается обмен студентами, в первую очередь с США, а в Китае открывались японские школы (ханамити в дипломатии). Японские ученые и преподаватели стажировались за границей, но возвращаются обратно. Появляются японские писатели, лауреаты Нобелевских премий: Ясунари Кавабата (1968), Кэндзабуро Оэ (1994), Кадзуо Исигуро (2017). Пик культурной дипломатии традиционных ценностей, в том числе, если судить по её капиталовложениям, пришелся на 80-годы, особенно, отметившись реформой кокусаика 1984 года Ясухиро Накасонэ [26, с. 111 – 112]. Как считает в проведенном социологическом исследовании дипломат, японовед и политолог А. Зикас (Aurelijus Zykas): «Это был период, когда среди западных и юго-восточно-азиатских обществ, несмотря на имеющиеся между ними государственные противоречия, Япония, наконец, создала свой особый положительный культурный имидж как страна с богатыми национальными миролюбивыми традициями» [26, с. 112]. Пожалуй, самым последним актом культурной дипломатии является популяризации Харуки Мураками, неоднократно выдвигавшегося на Нобелевскую премию по литературе. Японцы начинают пропагандировать везде сакуру, икебану и садово-парковое мировоззрение. Но предыстория второго культурного похода началась вновь с гастролей кабуки в СССР 1961 года.

Исходя из древних традиций синтоизма и дзэн-буддизма, японскую культуру можно определить, как садово-парковую, в которой явно выделяется поклонение природе и её отдельным элементам, в частности цветам, растениям и всегда – Фудзи. Цветок (кадо) – неотъемлемая часть повседневной жизни японца; образы цветов сопровождают его повсюду от рождения до смерти. Цветок, цветение, цвет, их созерцание, как бы превращаются в элементы современной японской идеологии [11]. Его образ сопровождает японца от повседневного быта до сложных философских концепций и литературных произведений. Как заметил японский поэт Басё «Коль скоро ты видишь, то не можешь не видеть цветы... <...> Когда нет цветов в твоих мыслях, ты подобен дикому зверю» [2, с. 59]. В японской культуре цветок почти всегда олицетворял живое начало природы, а сам момент цветения символизирует особую духовную практику познания парамиты (истины бытия). Так, сакура обозначает доброту и вежливость, ромашки – веру и честность, ирис – хорошие новости, клевер – удачу (является символом удачи не только в Японии, но практически во всех западных странах), незабудка – истинную любовь. Таким образом, не только цвет, но цветок (ханамити, ханакотоба, кадо) имеют свое метафорическое значение и ассоциируются с какими-либо впечатлениями или жизненной ситуацией, а то и вообще имеют глубокий сакральный смысл.

Как отмечает дальневосточный востоковед-японист А.Ф. Прасол, более двадцати лет проработавший профессором Ниигатского университета, японцы не умеют мыслить абстрактными категориями, но с простыми понятиями обращаются превосходно: «Там, где нужно доступно и понятно объяснить... цель и смысл каждой отдельной операции, японцам нет равных» [18, с. 74]. Мышление японцев представляет собой миниатюризацию всего, что есть в природе [18, с. 57 – 58]. Яркий пример – японский язык и его выражение в поэзии танка и хайку, а также в особых стилях *катаката* (для иностранных слов) и *хирагата* (для национальных слов), оказавших влияние на мировосприятие. Как отмечает японский философ-востоковед, буддолог, Х. Накамура: «... мышление японцев конкретное, но не абстрактное, оно не любит абстрактных терминов и понятий <...> умозаключения японцев выражаются <...> через единичные факты и явления и не содержат обобщающих логических выводов...» [22, с. 191]. Миниатюризация окружающей среды – феномен этнокультурной идентичности японцев, что ярко отражается в кабуки, икебана, чайном домике, хризантеме.

Особую культурную ценность как внутри страны, так и за её пределами приобрела сакура, древний символ самураев. Сакура – это собирательное название целого семейства растений, основным представителем которого является японская вишня из семейства сливовых. В качестве примера можно привести токийский парк Синдзюку-гёэн, буквально «Императорский сад Синдзюку», или ботанический парк, в котором собрана целая коллекция

из 75 разных видов сакуры. Они все по очереди цветут в начале весны. Если во время её цветения стоишь рядом, то кажется, что находишься внутри волшебного облака разной окраски: от чисто белого до ярко-розового.

Интересно заметить, японцы включают в созерцание одновременно традиции и игровое их восприятие, что было отмечено С.М. Марковым и А.К. Гладких на примере метаморфоз китайской иероглифики, изначально заимствованной в Китае: «Графемы могут выступать в качестве самостоятельных иероглифов, а другие могут составлять иероглиф только в сочетании с другими чертами и графемами» [9, с. 319 – 320], а в японском варианте происходит примерно так - Sakura (яп. 桜) – сакура «вишня в цвету». Saku (яп. 咲) означает цветение, а, например, sakura-fubuki означает «снежную бурю из лепестков сакуры», hana-no-ami (яп. 花の雨) – «цветочный дождь» и т.д. В частности, метаморфозы получаются при сочетании кандзи и катаканы. Здесь надо вникнуть в национальную игру японских иероглифов, впрочем, как и китайских, на основе которой складываются многие японские поговорки и сюжеты. Так, «Хадзакура» – в наши дни спектакль в Саппоро по мотивам пьесы Кунио и вишня в последний день цветения.

Сложно однозначно ответить на вопрос о том, являются ли «созерцательные» практики в современной Японии в буквальном смысле религией либо религиозным опытом в европейском понимании. Возможно, здесь на самом деле больше «игры» и культурной дипломатии, чем религии. Так, доктор наук, профессор кафедры востоковедения Кембриджского университета Дэвид Льюис (David Lewis) справедливо в своей книге «Религия в повседневной жизни японцев» заметил, что для японцев синтоизм и дзэн-буддизм, иногда с элементами христианства, например, новогодними, скорее напоминают дань уважения традициям, но переработанными на современный манер, чем религию как таковую [21, с. 46]. Российский востоковед А.Ф. Прасол резюмирует, «отношение к религии в целом довольно лёгкое и необременительное» и, как правило, ограничивается посещением могил предков и приобретением в храмах амулетов, довольно редким участием в богослужениях [17, с. 158].

В японской культуре есть традиция «ханами» (яп. 花見) – «любования цветами», берущая своё начало в период Хэйан (794 – 1185), что в переводе означает мир и процветание. Легенды гласят, во времена императора Сага в Киото зародился ритуал в японских дворцах проводить свободное время, созерцая цветущие сливы и вишни. В современном мире ханами – это масштабные фестивали, известные на весь мир [12, с. 46] и метод культурной дипломатии.

Кроме сакуры, интересен бамбук. Связками веток сосны и бамбука украшают вход в жилище перед Новым годом, привлекая в дом удачу и счастье, а маленькие горшочки с этим вечнозеленым растением на столиках в кафе и ресторанах призваны обеспечить финансовое процветание. Бамбук символизирует конфуцианский принцип сыновней почтительности, а в дзэн-буддизме олицетворяет мужскую волю и негибаемость. Бамбук, или такэ по-японски, символизирует вечную молодость, твердость, честность.

Традиция «ханами» адаптировалась под современную культурную дипломатию как внутри страны, так и за рубежом. Вот что считает ранее упомянутый профессор Дэвид Льюис: «Японцы легко начали принимать инновации, но они их переделывают на японский лад и манер, даже иероглифы специальные им придумывают. Например, китайский иероглиф «Дао» переделали в японский путь «До». Японцы воспринимают новые идеи как «чужие» инновации, но только если их возможно адаптировать через свои традиции (культуру), затем их используют в культурной дипломатии за рубежом. Не все инновации глубоко проникают в их культуру. Часто новые ценности они принимают как коренные народы Сибири православные иконы, но при этом через иконы продолжают молиться своим традиционным богам» [8, с. 144]. Другими словами, в «ханами», мы видим как традиции, так и новые культурные ценности, пропагандируемые во многих странах мира. Религия же японцев больше напоминает суеверие, чем веру и вероисповедание, где «особое внимание уделяется безопасности и защите, которая проявляется во многих различных аспектах японской культуры – как религиозной, так и нерелигиозной» [8, с. 146].

Цветовую семиотику, или язык цветов, японцы используют в государственной политике. Так, 15 февраля 2025 года в честь 60-летия установления дипломатических отношений с Южной Кореей Токийская башня осветилась в трехцветный корейский флаг – красный, синий и белый, хотя, ради исторической справедливости следует заметить, Япония и Южная Корея официально закрепили свои дипломатии 22 июня 1965 года, а не в февральские дни, а в честь китайского нового года башня окрасилась в красный китайский флаг.

Цветовую семиотику или ханакотоба (язык цветов) японцы в послевоенное время закрепили в идеологии культурной дипломатии с тем, чтобы продемонстрировать, в первую очередь в странах Тихоокеанского региона свою миролюбивую политику и культурно-этническое процветание. В своем исследовании мы акцентируем внимание на традиционном искусстве Японии, а не популярной культуре (манга, аниме, литература, мода и пр.). Поэтому нам интересны культурные обмены лишь в традиционной культуре. Как считает дипломат-японист А. Зикас, цели японской дипломатии были вполне прагматические: «...создание благоприятных условий для японских компаний в проведении международной экспансии. Считалось, что культурная дипломатия уменьшит трения с иностранными компаниями и странами Юго-Восточной Азии» [26, с. 110].

В этом контексте японцы усвоили философию «мягкой силы» (англ. soft power), или культурную дипломатию профессора-международника Гарвардского университета Джозефа Ная, разработанную в 80 – 90-е года XX века, окончательно утвердившуюся в 90-е годы [23]. В этой концепции приоритет отдавался культурной, в том числе спортивной, привлекательности государства-субъекта (актора) международных отношений, а также «гибкому», затем «умному» (smart power) взаимодействию жестких и мягких инструментов в международных отношениях [14, с. 61 – 62]. Этот процесс отразился в японском термине «бунка корю» (яп. 文化交流) или «культурный диалог» либо «культурное сотрудничество и обмен» либо «культурное взаимодействие» и прочие значения. Иными словами, иероглифы 文化 в сочетании 交流 обозначают приблизительно «культурный обмен (дипломатию) через пересечение разных культур».

Другими словами, дипломаты закрепили в международной практике те древние традиции, которые и так ранее выполняли свою позитивную роль в пропаганде культурного имиджа какой-либо страны-субъекта (актора). Япония же, начиная с эпохи Мэйдзи, всегда стремилась утвердиться как древняя цивилизация. Её активизация особенно стала заметной после её вступления в ЮНЕСКО в 1951 году, а в 60-е годы начинается японский путь цветка (кадо) в этнокультурной идентичности на международной арене.

В 2000-е годы культурная дипломатия продолжилась и продолжается, скорее всего, уже по инерции достигнутых результатов 80-х годов. «Растущая популярность традиционных аспектов японской культуры полностью объясняется запоздалым эффектом публичной дипломатии 1980-х годов, что в коммуникационных практиках довольно часто происходит в качестве эффекта воздействия по инерции» [26, с. 113]. С 2003 года культурная дипломатия превращается в приоритетную программу во внешней (публичной) дипломатии, что было отмечено многими официальными документами правительства и методическими указаниями эпохи премьер-министра Коидзуми (2001 – 2006), продолжились в период Синдзо Абэ (2006 – 2020). Культурная дипломатия стала восприниматься, во-первых, как концепция «мягкой силы» в международной политике, во-вторых, в качестве особой японской национальной идентичности в других странах, в-третьих, японцы начали вкладываться в международную пропаганду своей массовой культуры (манга, анимэ, кимоно, садо-парковое искусство, ханакотоба и пр.) вплоть до выделения культурных грантов от МИДа Японии другим странам.

В современной японской культуре цветы и растения занимают смысловое значение, показывающие глубокую связь народа с природой и земледелием. Это внимание к близкой окружающей среде подчеркивает уникальность японского мировосприятия, в котором гармония с природой и уважение к её жизненным формам становятся мировоззренческими ценностями. С другой стороны, поклонение и почитание цветов (путь кадо) в современном мире, часто целенаправленно, выступают доминантами в национальной идентификации

японцев, которая показывает ценности мира и процветания.

Цветок в японской культуре – это не просто эстетическое восприятие, а национальный символ, пронизывающий все аспекты жизни («пути»). В любой стране мира цветок или растение – символ глубинного этнического духа, а в Японии – особенно. В Японии каждый цветок ассоциируется с определёнными философскими понятиями и идеями как синтоизма, так дзэн-буддизма, в котором отражаются традиции, религиозные и мифологические мирозерцания. Как нам представляется, изучение японской цветочной символики (ханакотоба) будет способствовать лучшему пониманию национальной специфики мировосприятия и ценностных ориентаций японцев. «Это касается, - как считает С.М. Марков, - «книжных» терминов для понимания японской культуры. Так, макото – синтоистское понимание истины, истинности, правды, реальности. Макото – философско-эстетическое понимание, лежащее в основе японской духовности, понимания мира сущего (Универсума), в гносеологии – постижение истинной сущности вещей (мира). Другая установка, связанная с макото, называется по-японски *бамбуцу умтай*, что в примерном переводе означает постижение всеобщей связи единичного в мире Единого» [10, с. 91 – 92].

Как уже ранее отмечалось, мышление японцев конкретное, а не абстрактное, где любая вещь превращается в символ абстрактного понятия или превращается в своеобразную мифологему, что кратко в тезисе выразил Х. Накамура: «В конкретных вещах в японском мышлении сконцентрированы все абстрактные принципы» [22, с. 187]. Например, «Видели всё на свете / Мои глаза – и вернулись / К вам, белые хризантемы» (Мацуо Басё) [19, с. 204]. Пожалуй, самый яркий пример – хризантема (кикумон) и её путь (кадо) в этнокультурную идентичность.

В период Хэйан (794 – 1185) хризантема приобрела статус государственного цветка страны, когда император Го-Тоба (1183 – 1198) начал использовать стилистическое изображение хризантемы в качестве своей личной печати [25, с. 3]. Хризантема стала неотъемлемой частью императорского двора и японской аристократии. Богатые японские семьи часто устраивали «Пиршества хризантем», в ритуалах которых люди пили *кикудзакэ* (саке), которое настаивалось на лепестках хризантемы. Также стоит упомянуть о японской чайной церемонии, в которой на каждом ритуальном этапе используются цветы. Более того, как отметили в своих исследованиях Сицилия Сурьявати и Энгард Поэрбовати «Цветочная символика в стиле Чанююй», она имеет культурное происхождение в индонезийской чайной культуре Чанюю [24, с. 469 – 450]. В японской бытовой культуре считалось, что желтая хризантема избавляет от несчастий, а белая – символ жизни и бессмертия. Бедняки устраивали *кику-авасэ* (яп. 菊合) – конкурс, в котором все желающие делились на две команды и соревновались в красоте принесённых ими хризантем [13, с. 67].

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, но только в период Эдо (1603 – 1868), то есть в эпоху рождения японского самосознания как особого этноса и этики чести самурая бусидо, она стала использоваться как особый знак императорской власти. Выбор был сделан в её пользу по разным причинам, прежде всего в период возникновения так называемого «японского духа» требовалась особая символика. В результате долгих поисков была выбрана хризантема, имеющая множество разновидностей по цвету и форме, что позволяло создать разнообразные изображения и орнаменты для обозначения власти и чести самураев, а также как символ долголетия и процветания, и зафиксировать её изображение в XX веке в японском паспорте.

Образ хризантемы в этот период можно было увидеть на каждой второй гравюре, фарфоровой посуде, одежде, предметах быта и интерьера. В первой половине XIX века зарождается традиция *кику-нингё* (яп. 菊人形) – уличная выставка хризантем. Хризантема появляется как украшение на могильных плитах, ибо, как считали в те времена японцы, этот цветок символизирует бессмертие. Сейчас эта традиция превратилась в искусство создавать куклы из живых хризантем. Участники *кику-нингё* представляли на суд зрителей своё искусство из букетов хризантем. В это же время, считает японский историк Иэнага,

хризантема появляется в картинах ямато-э, написанных на *сёдзи* (дверях или «перегородках» в доме) и *бёбу* или *бёбу-у*», то есть на картинах складных ширм [6, с. 87].

В китайской культуре хризантема является прямым символом «Пути Неба», при этом считается, что хризантема обозначает богатство, процветание, гармонический ян во вселенной, божественную энергию Космоса [Е.М. Болдырева и Е.В. Асафьева, 3, с. 21], в редких случаях она выступает атрибутом смерти, например, в стихотворении Юань Чжэня «Хризантема» [3, с. 26]. В японской семиотике и мифологии хризантема – символ Аматаэрасу, то есть богини-солнца, что по-японски звучит как *kiku* (солнце), главной богиней пантеона синтоистских богов, утверждают все японоведы, в частности Н.Н. Изотова [5, с. 43]. В мифологии хризантема считается символом солнца и богини Аматаэрасу, более того, прародительницей всех японских императоров. Согласно древним мифам, хризантема так же, как лотос и ирис, имеет божественное происхождение. По легенде, бог творения Идзанаги, сбегав от старой злой ведьмы на землю, решил умыться в реке. Сброшенные драгоценности превратилась в цветы: браслеты в лотос и ирис, а ожерелье в золотую хризантему. Видимо, эта мифологема отражается во многих пословицах и поговорках, связанных с хризантемой, а красивых девушек принято в шутку называть «о-кику-сан».

В эпоху Мэйдзи (1868 – 1912) император увековечил образ любимого цветка необычным способом; он учредил Высший Орден Хризантемы в двух степенях: Орден Хризантемы с цепью и Орден Хризантемы на Большой ленте.

В императорском эдикте № 1 от 4 января 1888 г. указано, что «... орденом Хризантемы с цепью награждаются те, кто уже является обладателем Ордена Хризантемы на Большой ленте», хотя, выражаясь юридическими понятиями, он имеет лишь одну степень, но делится на орден с лентой и звезду. Иными словами, знак хризантемы с подвеской и звезда ордена хризантемы без подвески. Знак ордена представляет собой четырёхконечный позолоченный символ с лучами белой эмали, в центре которого располагается диск солнца красной эмали, а между лучами находится цветок хризантемы жёлтой эмали с зелёными эмалированными листьями.

Награждение им было предусмотрено только в отношении членов императорской семьи, высшей аристократии, национальных героев и глав иностранных государств, но в XXI веке порядок награждений изменили. Так, им был награжден посмертно в 2022 году бывший премьер Японии Синдзо Абэ. Иногда в случае государственных визитов в Японию особо важных государственных персон им награждаются иностранцы. Среди иностранных обладателей этого высшего знака отличия хотелось бы отметить последнего императора России Николая II [15].

В XX веке в Японии решили возродить символ хризантемы как знак государственной идеологии. Так, в годы Второй мировой войны японцы разработали модель учебного самолета *Shiragiku* («белая хризантема» или сирогикю). Государственные чиновники надеялись, старые символы в новой обертке помогут им выиграть несправедливую войну на Тихом океане. Впрочем, идеология белой хризантемы продолжается в культурной дипломатии, иногда встречая на своем пути (кадо) открытое противодействие со стороны народов, в прошлом оккупированных Японией. Конфликты «белой хризантемы» обострились после установки в Корею в 2011 году перед посольством Японии памятника жертвам сексуального насилия и рабства «Женщинам для утешения», или «Белая хризантема». Трагедия сексуального рабства была описана в романе американской писательницы корейского происхождения, сейчас проживающей в Лондоне, Мэри Линн Брахт (*Mary Bracht*) «Белая хризантема» («*White Chrysanthemum*»; 2018), переведенного на русский язык Алексеем Смирновым (2018). Под давлением мировой общественности премьер-министр Абэ официально признал факт «женщин для утешения», но в настоящем времени конфликт находится в замороженной форме как раз из-за памятника и романа Мэри Брахт. В общем, путь цветка (кадо) – тернистый в дипломатии XXI века, в который японцы стараются вернуть свои традиционные мировоззренческие идеологемы с целью духовного очищения от военного прошлого.

В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры,

традиций и ценностей страны. Она ассоциируется с осенью, долголетием и императорской властью. Одновременно стали модными кимоно с изображением хризантемы, но по мере милитаризации страны её заменили на сакуру как символ самурайской чести. Иными словами, японцы в своей истории и в настоящее время уделяют внимание цветам как символам их духовного просветления и национальной (культурно-этнической) идентификации.

Говоря о государственных символах, нельзя не упомянуть об истории создания государственного флага и герба, также непосредственно связанной с цветами. Впервые бело-красный символ был замечен в «Повести о Хейке», написанной в XII веке о самураях, которые, якобы, носили с собой белые веера с изображением солнца в качестве талисмана воина. Об этой истории рассказывается в художественном эпосе «Ину-о: Рождение легенды» режиссера Масааки Юаса (2022).

С национальной идентификацией связано рождение японского флага, что было обусловлено открытием страны для международной торговли. С этой целью к середине XIX века жители «страны восходящего солнца» придумали свой отличительный знак: на белом полотне изображалось красное солнце с 16 лучами (что соответствует количеству лепестков у хризантемы), позже лучи убрали (в Японии его называют *кёкудзицу-ки*). В основу изображения герба, как считает А.Н. Мещеряков, легло очертание императорской печати в виде хризантемы эпохи китайского влияния Хэйан (794 – 1185), что в переводе буквально означает «мир» [12, с. 203]. Правители времени зарождения самурайского сословия стали использовать хризантему как государственный символ (кикумон) мира и спокойствия. Что интересно, формально герб в Японии отсутствует, а вместо него используется рисунок хризантемы (кикумон). Его изображение есть на обложке японского паспорта, на зданиях официальных учреждений власти, монетах, памятных орденах в честь исторических важных событий, а также в главном официальной награде – ордене хризантемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика цветов в японской культуре имеет свою внутреннюю логику или закономерности: символика цветов складывалась веками на основе легенд и истории страны, которая играет важную роль в понимании японской традиции и объясняет современное восприятие мира японцами. Вместе с тем, для японского «религиозного» современного мышления характерен синкретизм и номинализм, или смешение синто, буддизма, конфуцианства, даосизма и христианства. Как верно заметил А.Ф. Прасол: «В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни» [17, с. 159]. Видимо, этим правилом руководствовался император Мэйдзи, когда утвердил в 1869 году хризантему в качестве национального цветка Японии, а в 1916 году она стала официальным символом императорской семьи. С тех пор хризантема прочно вошла в государственную символику Японии и стала одним из самых узнаваемых её элементов в мире.

Заключение

Цвет и его семиотика, а через цвет путь кадо, по-прежнему выполняют ключевую роль в этнической и гражданско-государственной идентификации. В современной японской культуре цветы и растения занимают смысловое значение, показывающие глубокую связь народа с природой, при этом японцы научились миниатюризировать природу, превращая её в сложную систему единичных символов своего этнического мира. Их отношение к природе через «Я» подчеркивает уникальность японского садово-паркового мировосприятия, в котором гармония с природой и уважение к окружающей среде становятся основными ценностями. С другой стороны, поклонение и почитание цветов в современном мире, часто целенаправленно, выступают доминантами в этнокультурной идентификации японцев, которая показывает всем ценности мира и процветания. Особенно, если взять во внимание термин «ханамити» в широком значении.

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, а в XX веке в эмблеме государственной идеологии после того, как император Мэйдзи её утвердил в качестве национального цветка Японии. В 1916 году она превращается в официальный символ

императорской семьи. Цветок хризантемы стал ассоциироваться с политической властью, одновременно демонстрируя всем общественный договор по-японски между властью и народом.

В современном мировоззрении японцев хризантема основательно закрепились в государственной символике Японии в качестве гражданско-государственной идентичности и стала одним из элементов этнической идентификации японцев в других странах мира, а также в дипломатии мира.

Использованная литература

1. Аневич Ю.Е. Кабуки как культурносоциальное явление в истории Японии // *The Newman in Foreign Policy*. 2018. № 40 С. 57–60.
2. Басё Мацуо. По тропинкам Севера / пер. В. Марковой. М.: Азбука, 2011. 62 с.
3. Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии // *Верхневолжский филологический вестник*. 2024. № 1(36). С. 20 – 34.
4. Герасимова М.П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия // *Японские исследования*. 2017. № 4. С. 62–78.
5. Изотова Н.Н. Символика хризантемы в японской лингвокультуре // *Культура и искусство*. 2017. № 10. С. 40–48.
6. Иэнага Сабуро. История японской культуры. М.: Прогресс, 1972. 231 с.
7. Конрад Н.И. Брошюра о японском театре к гастроллям в СССР. Ленинград, Москва: ВОКС, 1928. 32 с.
8. Льюис Д.Х. Ключевые ценности в японской религии и культуре / *Россия – Япония: политика, история и культура*. Казань: Изд-во Академии наук РТБ, 2018. С. 143–147.
9. Марков С.М., Гладких А.К. Философско-медицинская символика китайских иероглифов и «Книги перемен» / *Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докладов участников XII Международной научно-практической конференции*. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2019. С. 317–324.
10. Марков С.М. Макото и нихонга в романе Харуки Мураками “Убийство командора”: социально-этические принципы осмысления прошлого и настоящего / *Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания: В 2 т. Т. 2* / ИФ НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2022. С. 90–93.
11. Марков С.М. Философский и юридический анализ идеологии: сравнение и предпочтения в современной картине мира / *XIV Южно-российский политологический конвент: «Мировоззренческие основы российской политики: культурные константы, ценностные установки, идеологические предпочтения»* / отв. ред. Р.А. Пупыкин, А.В. Назарьева. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2024. С. 241–245.
12. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. 556 с.
13. Мицкевич А. Исследование изображений растений на японском чайном сервизе // *Наука и инновации*. 2023. № 7 (245). С. 65–70.
14. Най Дж. С. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 444 с.
15. Орден Хризантемы / Портал о наградах, орденах и медалях России, СССР и стран мира. [Электронный ресурс] // URL: <https://onagradah.ru/orden-khrizantemy/#> (дата обращения: 05.03.2025 г.).
16. Панасюк М.И. Странники Вселенной, или Эхо Большого взрыва. — Фрязино: «Век2», 2005. – 272 с.
17. Прасол А.Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного типа // *Япония. Ежегодник*. Институт Востоковедения РАН, 2007. № 36. С. 148–170.
18. Прасол А. Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наука, 2009. 416 с.

19. Японские трехстишия: Сборник / пер. с яп. В. Марковой. М.: Худож. лит-ра, 1973. 343 с.
20. Kuznetsov Mikhail Yu. A Nearby Source of Ultra-high Energy Cosmic Rays // ArXiv: 2311.14628 // Journal of Cosmology and Astroparticle Physics // [URL: P https://arxiv.org/abs/2311.14628](https://arxiv.org/abs/2311.14628) (дата обращения: 15.05.2025 г.).
21. Lewis David C. Religion in Japanese Life. Milton: Routledge. 2017. 364 p.
22. Nakamura H. Basic Features of the Legal, Political and Economic Thought in Japanese // The Japanese Mind. 1967 // DOI: org/10.1515/9780824843052-009
23. Nye J.S. Soft Power: the Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. No. 3. P. 196–208 // URL: <https://clck.ru/sKhCX> (accessed: 10.11.2024).
24. Suryawati Cicilia T., Poerbowati Endang. Flower Symbolism in Chanoyu Spirit / Proceedings the International Conference of Communication Science Research (ICCSR 2018). No. 165 (July): P. 469 – 471 // URL: <https://doi.org/10.2991/iccsr-18.2018.104> (accessed: 07.04.2025).
25. Shtankola M. A., Skvortsova V. N., Shcherbinin A. I., Spichenko T.A. The origins of Japanese natio // SHS Web of Conferences 28, 01094 (2016).
26. Zykas A. Traditional and Popular cultural discourses within the post-war development of Japan’s Cultural diplomacy // Vilniaus universiteto leidykla, Vol. 12, iss. 1. (2011). 2012. P. 105–119 // URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12259/47985> (accessed: 09.03.2025).

Рәүҗи: f.f.d., dos. Həbib Hüseynov